

18+

ЛОУРЕНС:
УТОПЛЕННИЦА

К а т а р и н а Р ы н я к

Екатерина Рыняк

Лоуренс: Утопленница

<https://litres.ru/74291659>

ISBN 9785007066853

Аннотация

Он — последний из проклятого рода Лоуренсов. Говорят, тех, кого он любит, забирает вода. Виктория Хартвуд не верила в легенды. Но она поверила ему. Они уехали вдвоём в заброшенное поместье Грандфорд — туда, где когда-то утонула его сестра, где хранятся письма, которые никто не получил, и где вода всё ещё ждёт.

Для читателей «Эстеи» — возвращение в тот же мир. 19 лет спустя.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	23
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Лоуренс: Утопленница

Екатерина Рыняк

© Екатерина Рыняк, 2026

ISBN 978-5-0070-6685-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero
Лоуренс: Утопленница.

Catarina Ryniak

2026

Глава 1

Хартвуд-холл стоял на вершине пологого холма, поросшего диким клевером и одуванчиками, словно корона на челе старого графства. Отсюда, с высоты, открывалась долина — мягкие зелёные волны полей, сменяющиеся живыми изгородями, редкими рощами и серебряными нитями ручьёв. В ясные дни можно было разглядеть шпиль церкви в деревне; в пасмурные — только туман, который стелился по низинам, делая мир невесомым, почти призрачным.

Сам дом был сложен из местного песчаника, серого с золотистым отливом, и напоминал скорее усадьбу, чем замок: широкий, приземистый, с двумя флигелями, он не стремился вверх, а растекался по земле, словно уставший путник, наконец добравшийся до дома. Плющ карабкался по южной стене, закрывая окна второго этажа; старые дубы бросали тень на подъездную аллею, где гравий хрустел под колёсами экипажей, которых здесь не было с прошлого месяца.

Лорд Роберт Хартвуд любил этот дом. Любил за основательность, за запах старого дерева, за камин, в котором огонь никогда не угасал даже летом. Он приобрёл титул не по наследству, а за заслуги — его текстильные фабрики в Манчестере исправно поставляли сукно для армии, и королева

сочла нужным отметить это. Роберт был из тех людей, кто строил себя сам: широкоплечий, с грубоватыми, но тёплыми чертами лица, с сединой в тёмных волосах, которая появилась раньше времени. Он умел работать и умел молчать — качество, нечасто встречающееся среди его соседей.

— Ты слишком много работаешь, — говорила ему жена.

— Кто-то должен, — отвечал он, не поднимая глаз от бу-
маг.

Они любили друг друга той негромкой любовью, которая не нуждается в словах. Роуз Хартвуд — урождённая Роуз Фелтон — была дочерью бедного священника, и её красота, как говорили, компенсировала отсутствие приданого. Высокая, с покатыми плечами, она держалась с той естественной грацией, которую не могут дать никакие уроки этикета. Её волосы, когда-то рыжие, теперь серебрились у висков, а глаза — серые, с длинными ресницами — смотрели на мир с мягкой печалью человека, который видел больше, чем хотел бы помнить.

Виктория пошла в мать — но только отчасти. Те же серые глаза, но светлее, почти прозрачные, как весенний лёд. Те же тонкие брови, тот же изгиб губ. А вот волосы — тёмные, с каштановым отливом, — достались от отца, чьи густые тём-

ные пряди даже начинающаяся седина не могла сделать светлее. Тяжёлые, густые, они струились по плечам, когда Виктория распускала их по вечерам, и служанка проводила щёткой сто раз, отсчитывая про себя: «раз, два, три...»

— У вас редкие волосы, мисс, — говорила горничная. — Такие не у всех.

— Такие не у всех, — рассеянно повторяла Виктория, глядя в зеркало.

Она была худа. Не той болезненной худобой, которая пугает, а — изящной, гибкой, как ивовый прут. Длинная шея, острые ключицы, запястья, которые казались слишком тонкими для рукавов. В пятнадцать она казалась старше своих лет — не лицом, но выражением, которое иногда проскальзывало в глазах: внимательным, немного усталым, словно она уже знала то, чего знать не должна.

Чарльз родился поздно — Роуз уже не надеялась иметь второго ребёнка, когда вдруг, в тридцать девять, обнаружила, что снова беременна. Роды были тяжёлыми, доктор качал головой, а лорд Роберт, обычно сдержанный, простоял всю ночь на коленях в домашней часовне — не молясь, просто глядя на распятие.

Если Виктория была тёмной, хрупкой, словно кружево, то Чарльз родился крикливым, светлым и очень живучим. Волосы — русые, с золотистым отливом, глаза — цвета молодого мёда. Он смеялся громко, бегал быстро и падал часто — разбивал колени, сдирал локти, терял пуговицы, но никогда не плакал.

— Мужчина должен терпеть, — говорил отец, потрепав сына по макушке.

— Я терплю, — отвечал Чарльз, и на его лице расцветала улыбка, такая широкая, что она меняла всё.

Виктория обожала брата той всепоглощающей любовью, какая бывает только у старших сестёр. Она носила его на руках, когда он был младенцем, читала ему вслух, когда подрос, и однажды, когда ему было семь, выцарапала щеку сыну соседнего помещика, который посмел назвать Чарльза «толстым».

— Я сам бы ему дал сдачи, — обиженно сказал Чарльз, рассматривая себя в зеркале.

— Ты медленный, — ответила Виктория. — Я быстрее.

Он рассмеялся. Тогда они ещё смеялись часто.

Июль 1897 года выдался жарким — таким, что старые служанки, помнившие засуху 1864-го, качали головами и говорили, что Господь послал испытание. Воздух стоял густой, как кисель; трава пожухла; пруд в низине, обычно полноводный, обмелел, обнажив илистые берега, где стрекозы замирали на стеблях камыша, а лягушки били тревогу хриплыми голосами.

Чарльз, которому только что исполнилось десять, проводил дни на улице. Он построил себе лук из ивовой ветки и бродил по парку, стреляя в шишки и воображаемых драконов. Белая рубашка постоянно вылезала из-за пояса, волосы торчали во все стороны, коленки были разбиты — но он был счастлив той полной, безотчётной детской радостью, которая не знает, что впереди.

— Чарльз! — крикнула Виктория из тени старого дуба. Она сидела на пледе, разостланном на траве, с книгой на коленях. — Не подходи близко к пруду!

— Я знаю! — крикнул он в ответ, даже не обернувшись.

Она не поверила. Он никогда не знал.

Виктория перелистнула страницу, но не читала. Она сле-

дила за братом краем глаза — как он прицеливается в шишку, как торжествует, когда попадает, как бежит за стрелой, путаясь в собственных ногах. Ей было семнадцать, и она считала себя взрослой — достаточно взрослой, чтобы отвечать за него.

Она ошиблась.

Чарльз добрался до мостика. Это был старый, полусгнивший настил из брёвен, переброшенный через узкую часть пруда — отец велел снести его ещё прошлым летом, но руки всё не доходили. Чарльз часто подходил к нему, чтобы рассмотреть рыбу. Вода здесь была глубже, чем казалось, и темнее — с зеленоватым отливом, который притягивал взгляд и обещал тайну.

— Чарльз! — крикнула Виктория громче. — Этот мост опасен!

— Я только посмотрю!

Он встал на крайнюю доску. Она жалобно скрипнула. Чарльз наклонился вперёд, вытягивая шею, чтобы разглядеть что-то в воде.

Виктория встала.

Доска треснула.

Этот звук — влажный, хрусткий, как перелом кости — она будет помнить всю жизнь. Доска разошлась надвое, и Чарльз просто исчез, как если бы вода была распахнутой пастью, которая ждала. Он не крикнул. Только всплеск — и тишина.

Виктория бежала, сама не зная, когда вскочила. Трава мелькала под ногами, книга осталась на пледе, ветка хлестнула по лицу, оставив царапину. Она не чувствовала ничего — только тошноту и пустоту, которая разрасталась внутри, в такт воде.

Она прыгнула.

Холод — вот что она запомнила сначала. Не тот холод, что бывает в дождь, а ледяной, пронзительный, выбивающий лёгкие. Потом темнота — вода была мутной, со взвесью ила и гниющих листьев. Она открыла глаза под водой и ничего не увидела.

Руками. Надо искать руками.

Она ныряла, шарила, хватала тину, коряги, пустоту. Ей

показалось, что она коснулась ткани — рукава, воротника, — но пальцы сомкнулись в воздухе, и она вынырнула, хватая ртом воздух, чтобы нырнуть снова.

— Чарльз! — крик сорвался с губ, но вода заглушила его, превратив в бульканье.

Она ныряла три раза. Или четыре. Или десять — она сбилась со счёта. Каждый раз вода была тёмной, холодной, равнодушной. Она не находила его.

Потом появились люди. Помощник Уилсон, кряжистый мужчина с красным лицом, прыгнул в воду, не раздеваясь. Горничная Мэри бегала по берегу и кричала. Кто-то побежал в дом за подмогой.

Её оттащили от воды. Она вырывалась, царапалась, пыталась укунить руку, которая держала её за плечо.

— Пустите! Он там! Он там!

— Мисс, вы не можете, — голос Уилсона был хриплым, сбивчивым. — Вы утонете.

— Лучше утонуть, чем оставить его!

Она сказала это. Она помнила, как сказала. И помнила, как потом эти слова вернулись — ночью, когда она лежала без сна, и утром, когда мать принесла завтрак, и ещё много раз, в самые тёмные часы, когда кажется, что рассвет уже не наступит.

Тело Чарльза нашли через три дня, в зарослях ивы, в полумиле ниже по течению. Водяные крысы уже начали точить его щёку — доктор сказал, что это случилось после смерти, но Виктория не поверила. Она стояла в дверях, когда тело принесли, увидела серое лицо, приоткрытые глаза, волосы, которые прилипли ко лбу влажными прядями, и что-то в ней сломалось — окончательно, безвозвратно, как та доска на мостике.

Она не плакала. Она смотрела. И молчала.

После похорон Виктория заперлась в своей комнате.

Это была угловая комната на втором этаже, с двумя окнами — одно выходило на парк, другое на восток, туда, где по утрам вставало солнце. Обои были цвета слоновой кости, с мелкими розовыми бутонами — мать выбрала их, когда Виктории исполнилось десять, и с тех пор ничего не менялось. У кровати стояло старинное трюмо в тёмном дереве, перед которым Виктория расчёсывала волосы каждое утро. Над кро-

вату висела акварель — вид на Шотландское озеро, подарок тётки, которая хотела, чтобы Виктория путешествовала.

Теперь всё это казалось чужим. Будто комната принадлежала другой девочке, которая жила здесь до.

Она сидела на подоконнике, поджав ноги, и смотрела на старый дуб. Ветер шевелил листья. Грачи вили гнездо в развилке ветвей, и Виктория зачем-то отслеживала, сколько раз они улетают и возвращаются.

— Ты должна есть, — сказала мать, входя без стука — привилегия, которую она позволяла себе только сейчас.

— Не хочу.

— Виктория.

— Я сказала — не хочу.

Роуз поставила поднос на столик. Там были суп, хлеб, чай — всё, как Виктория любила. Горячее, свежее, аккуратно накрытое салфеткой.

— Твой отец беспокоится.

— Передайте отцу, что я в порядке.

— Ты не в порядке. Ты не ешь. Ты не спишь. Ты даже не плачешь.

— А что толку плакать? — Виктория повернулась. — Слеёзы не вернут его.

Мать сделала шаг вперёд, протянула руку — но замерла, не дотронувшись. Виктория смотрела на неё пустыми глазами, в которых не было ни злости, ни горя, ни даже отчаяния. Только пустота.

— Я не знаю, как тебе помочь, — тихо сказала Роуз.

— Никак.

— Это неправда.

— Мама, — голос Виктории дрогнул, всего на секунду. — Пожалуйста. Оставьте меня.

Роуз постояла ещё минуту. Потом развернулась и вышла, притворив дверь за собой. Поднос остался на столике, и чай остыл, так никем и не выпитый.

Месяцы тянулись, как патока в холоде. Виктория перестала выходить к обеду, потом к завтраку. Служанка приносила еду — еда оставалась нетронутой. Горничная меняла постельное бельё — Виктория лежала в кровати, уставившись в потолок, и не замечала, когда та заходила.

Она перестала купаться. Сначала просто откладывала ванну на потом, потом на завтра, потом обнаружила, что боится самой воды — любого её количества, даже в стакане. Она умывалась влажным полотенцем, чувствуя, как кожу покалывает отвращением.

— Мисс, вы простудитесь, — робко сказала горничная, когда Виктория в очередной раз отказалась от горячей ванны.

— Я не хочу купаться.

— Но, мисс...

— Я сказала — не хочу.

Горничная не спорила. Она была молодой и боялась потерять место.

Родители не знали, что делать. Роберт Хартвуд пробовал

говорить с дочерью по-мужски — сурово, прямо, без сантиментов. «Ты не можешь всю жизнь прятаться», — сказал он однажды, стоя в дверях её комнаты. Виктория не ответила. Он повторил. Она повернулась к стене. Он вышел и хлопнул дверью так, что задребезжали стёкла.

Роуз выбирала другой путь — тихий, мягкий. Она приходила к дочери каждый вечер, садилась на краешек кровати и просто сидела. Ни слов. Ни уговоров. Только присутствие. Иногда она брала Викторию за руку — холодную, тонкую, с синими прожилками вен — и грела её в своих ладонях.

— Я люблю тебя, — говорила она перед уходом. — Что бы ни случилось.

Виктория не отвечала. Но руку не отнимала.

Прошло два года.

Весна 1899 года пришла в Йоркшир поздно — в апреле ещё лежал снег в низинах, а в мае дули холодные ветры. Но к июню всё изменилось: распустились розы в саду, зацвели яблони, и даже старый дуб, помнивший ещё прадеда Хартвуда, выпустил молодые листья — светло-зелёные, клейкие, пахнущие весной.

Виктория сидела в гостиной у камина, хотя огонь давно погас. Она читала — вернее, держала книгу перед глазами, но взгляд скользил по строчкам, не задерживаясь. Она похудела ещё больше, чем прежде, и платье висело на ней, как на вешалке. Волосы, когда-то блестящие, потускнели; она стягивала их в узел на затылке и не обращала внимания на выбившиеся пряди.

Мать вошла бесшумно, как всегда.

— Виктория.

— Да?

— Нам нужно поговорить.

Виктория подняла глаза. Роуз стояла у двери, прямая, с высоко поднятой головой. На ней было утреннее платье из шёлка цвета слоновой кости, с кружевными манжетами — она всегда одевалась тщательно, даже когда никто не приходил.

— О чём? — спросила Виктория.

— У лорда Эшворта бал в следующую пятницу. Мы получили приглашение.

— Я не поеду.

— Ты поедешь.

Виктория отложила книгу. Посмотрела на мать долгим, тяжёлым взглядом.

— Я не готова.

— Прошло два года, Виктория. Два года ты не выходила из дома. Ты не видела людей. Ты не разговаривала ни с кем, кроме меня и отца.

— Мне этого достаточно.

— А нам — нет.

Роуз сделала несколько шагов вперёд и опустилась в кресло напротив. Сложила руки на коленях — жест, который Виктория знала с детства: мать так делала, когда собиралась говорить серьёзно.

— Твой отец боится за тебя, — сказала Роуз. — Я тоже. Ты таешь на глазах. Ты не ешь. Ты не спишь. Ты превращаешься в тень.

— Я просто устала.

— Ты не устала. Ты напугана.

Виктория вздрогнула.

— Чего мне бояться?

— Воды. Себя. Жизни. Я не знаю. Но ты не можешь сидеть в этой комнате вечно.

— Могу.

— Виктория...

— Мама, — голос девушки сорвался. — Ты не была там. Ты не видела, как он падает. Ты не прыгала за ним. Ты не шарила руками в этой чёрной воде, пока лёгкие не начали гореть. Ты не знаешь, каково это — не найти.

— Я знаю, каково это — потерять сына.

Повисла тишина. Только часы на каминной полке отбивали секунды — тяжело, медленно, как похоронный марш.

— Я не хочу делать тебе больно, — сказала наконец Виктория.

— И не делаешь. Ты делаешь больно себе.

— Может быть.

Роуз подалась вперёд и взяла дочь за руки. Ладони у Виктории были холодными, костистыми, с синими прожилками вен — как у старой женщины, хотя ей не было ещё двадцати.

— Твой брат не хотел бы этого, — тихо сказала Роуз. — Чарльз не хотел бы, чтобы ты пряталась. Он любил тебя. Он бы хотел, чтобы ты жила.

Виктория почувствовала, как горло сжалось. Она не плакала — она разучилась плакать, — но внутри что-то шевельнулось, что-то, что она считала мёртвым.

— Я подумаю, — сказала она.

— Это всё, о чём я прошу.

Мать отпустила её руки, поднялась и вышла. На пороге она обернулась.

— Я люблю тебя, Виктория.

— Я знаю.

Дверь закрылась. Виктория осталась одна перед потухшим камином. За окном ветер качал ветки старого дуба. Грачи больше не вили гнездо — улетели год назад. Может быть, они тоже не могли больше здесь оставаться.

Она взяла книгу, которую не читала, и открыла на первой странице. Строчки расплывались. Она просидела так до вечера, пока солнце не село и комнату не наполнили сумерки.

Но на следующее утро она сказала матери:

— Я поеду на бал.

Глава 2

За три дня до бала в доме Хартвудов воцарилась суета, которую Виктория почти забыла. С утра до вечера служанки сновали по коридорам с коробками и свёртками, портниха приезжала дважды, чтобы подогнать платье по фигуре, а мать, обычно сдержанная, ходила с таким видом, будто готовилась к королевскому приёму.

— Ты должна выглядеть безупречно, — сказала Роуз, когда Виктория встала на табурет для примерки. — Это первый выход в свет за два года. Люди будут смотреть.

— Пусть смотрят, — равнодушно ответила Виктория.

— Ты не понимаешь. Сплетни — страшное оружие. Если ты выйдешь бледной, в мешковатом платье, с потухшим взглядом, завтра же весь Лондон будет говорить, что ты сошла с ума от горя.

— А разве нет?

Мать посмотрела на неё долгим взглядом, но ничего не сказала.

Платье выбрали серебристое. Ткань переливалась на свету, напоминая рябь на воде — Виктория заметила это, но промолчала. Декольте скромное, рукава длинные, талия затянута тугим корсетом, от которого перехватывало дыхание. Виктория не носила корсет два года — она вообще почти не носила платья, предпочитая свободные халаты.

— Терпи, — велела горничная, затягивая шнуровку. — Красота требует жертв.

— Чьих? — спросила Виктория.

Горничная не поняла шутки.

В день бала Роуз сама пришла помочь дочери собраться. Она расчесала её тёмные волосы — долго, медленно, с той материнской нежностью, которую Виктория помнила с детства. Потом уложила их в высокую причёску, открыв тонкую шею и острые ключицы. Единственным украшением была нитка жемчуга — подарок отца на шестнадцатилетие.

— Ты превосходна, — тихо сказала мать, глядя на отражение в зеркале. — Как никогда.

— Я не чувствую себя красивой.

— Это пройдёт.

Виктория хотела сказать, что это не пройдёт — ничего не проходит, — но промолчала.

Карета ждала у подъезда. Отец помог ей забраться внутрь, потом сел напротив. Роуз устроилась рядом, поправила юбки и вздохнула — так вздыхают перед прыжком в холодную воду.

— Держись, — сказал Роберт Хартвуд, и в его голосе впервые за два года прозвучала не сталь, а тепло.

Виктория кивнула.

Лондон встретил их вечерней суетой: экипажи громыхали по булыжной мостовой, газовые фонари зажигались один за другим, отбрасывая на тротуары дрожащие жёлтые круги. Город жил своей обычной жизнью, не подозревая, что сегодня вечером одна девушка сделает первый шаг из тени, в которой пряталась два года.

Дом лорда Эшворта стоял на Белгрейв-сквер — фасадом на парк, с колоннами и лепниной, с гербом над дверью и двумя слугами в ливреях, которые распахивали двери перед гостями. Слышались голоса, музыка, звон бокалов — тот са-

мый шум, который Виктория когда-то любила, а теперь боялась.

— Ты готова? — спросила мать.

— Нет, — честно ответила Виктория.

— Это ничего. Я тоже.

Они вошли вместе.

Внутри было душно — от свечей, от множества тел, от духов, которыми душились дамы. Виктория вдохнула этот запах и едва не закашлялась: он показался ей приторным, почти тошнотворным. Люди расступались перед ней, кланялись, улыбались. Кто-то здоровался с отцом, кто-то целовал руку матери. Виктория кивала, улыбалась — дежурной улыбкой, которая не трогала глаз.

— Мисс Хартвуд! Как давно мы вас не видели!

— Вы так выросли!

— Какое чудесное платье!

Она отвечала односложно, вежливо, но холодно. Гости

чувствовали эту холодность и быстро теряли интерес. Кто-то шептался за её спиной — она знала, о чём. «Бедняжка. Тот ужасный случай. Она так и не оправилась».

— Не обращай внимания, — тихо сказала мать, заметив, как Виктория напряглась. — Они всегда говорят.

— Я знаю.

Виктория отошла к окну. Нужно было перевести дыхание. Она прислонилась виском к холодному стеклу и смотрела в сад, где газовые фонари рисовали на траве длинные тени. Музыка играла где-то за спиной, пары кружились в вальсе, но всё это казалось ей далёким, почти нереальным — словно она смотрела на мир сквозь мутное стекло.

Она не заметила, как к ней подошёл отец.

— Здесь душно, — сказал он, протягивая бокал с лимонадом. — Но ты держишься молодцом.

— Я хочу домой.

— Знаю. Потерпи ещё немного.

Он постоял рядом, положил руку ей на плечо — тяжело,

по-отцовски тепло — и ушёл. Виктория осталась одна.

И тут она увидела его.

В другом конце зала, тоже у окна, стоял молодой человек. Один. Не танцевал. Не разговаривал ни с кем. Просто стоял и смотрел в сад, как она.

Виктория не могла разглядеть его лица — он стоял впол-оборота, освещённый со спины. Но она заметила: он высок, худощав, одет в чёрный сюртук, небогатый, но опрятный. Тёмные волосы падали на лоб. Он казался старше своих лет — или моложе, трудно сказать.

Что-то в нём притягивало её взгляд. Не красота. Не поза — он стоял ровно, но без той надменной прямоты. Было в нём что-то другое — то, что она не могла назвать, но чувствовала кожей.

— Кто это? — спросила она у подруги, которая случайно оказалась рядом.

Та проследила за её взглядом и пожала плечами.

— А, это... Томас де Лакруа. Француз. Говорят, его родители были графами, эмигрировали в Англию, а теперь оба

умерли. Он почти ничего не унаследовал, живёт где-то в Со-хо, работает переводчиком. Станный тип. Никто с ним не танцует.

— Почему?

— Потому что он никто. Не богат, не титулован, не остроумен. Зачем он приехал — непонятно. Наверное, кто-то сжалился и прислал приглашение.

Подруга рассмеялась. Виктория не поддержала.

Она смотрела на Томаса и не могла отвести взгляд. Ей казалось, что она уже видела его раньше — не в жизни, а во сне, или в том странном полусне, который случается на границе забытья, когда реальность смешивается с памятью. В нём было что-то от Чарльза? Нет. Совсем другое. Но родное.

Виктория сделала шаг в его сторону. Потом ещё один.

— Ты куда? — удивилась подруга.

Виктория не ответила. Она пересекла зал — медленно, но уверенно. Проходя мимо танцующих, она чувствовала на себе удивлённые взгляды. «Куда это она? Кто ей нужен?»

Она подошла к окну. Остановилась в шаге от молодого человека. Он повернул голову — и она увидела его глаза.

Тёмные, глубокие, с той же печалью, которую она носила в себе два года. Не боль. Не отчаяние. Тихая, выношенная грусть человека, который привык к одиночеству и перестал ждать, что кто-то его нарушит.

— Вы не танцуете? — спросила Виктория.

Голос прозвучал ровно — спокойнее, чем она ожидала.

Он помолчал секунду, разглядывая её. Тёмные волосы, светлые глаза, тонкие руки — она знала, что он видит всё это. Потом ответил:

— Не умею.

— Я научу.

Она сама не знала, зачем сказала это. Ей было страшно. Но стоять здесь, напротив него, было легче, чем танцевать с любым другим.

Он чуть склонил голову, рассматривая её лицо. Потом перевёл взгляд на её руки — тонкие, почти прозрачные запя-

стья, с которых свисали жемчужные бусы.

— Вы не боитесь? — спросил он.

— Чего?

— Меня.

Виктория почти улыбнулась.

— Я не боюсь никого, — сказала она.

Его лицо не изменилось. Но что-то мелькнуло в глазах — искра, которую она не смогла прочесть.

— Тогда, — сказал он, протягивая руку, — давайте танцевать.

Виктория не взяла его руку сразу. Она смотрела на неё — длинные пальцы, бледная кожа, чисто выбритые запястья, выглядывающие из-под манжет. Рука человека, который привык работать, но не физически — скорее пером и книгами. Она положила свою ладонь поверх его, и он сжал её осторожно, словно боялся сломать.

Музыка играла вальс. Виктория не танцевала два года.

Она думала, что забыла движения, забыла, как вести себя в паре, как смотреть в глаза партнёру, не отводя взгляда. Но тело помнило. Оно само шагнуло в такт, и Томас повёл её — неуверенно, но мягко, как будто извиняясь за каждое движение.

— Вы давно не танцевали, — сказала она.

— С тех пор, как умерла моя приёмная мать. Два года назад.

Виктория взглянула на него. Он не отводил глаз, но в них была та же пустота, которую она видела в своём отражении каждое утро. Не боль. Не отчаяние. Тихая, привычная пустота, которая уже не пугает, потому что стала частью лица.

— Я тоже потеряла близкого, — сказала Виктория. — Два года назад. Брата.

— Мне жаль.

— Мне тоже.

Они замолчали. Вальс кружил их по залу, мимо свечей, зеркал, чужих лиц. Виктория чувствовала, как люди провожают их взглядами — удивлёнными, любопытствующими,

осуждающими. «Кто это с ней? Почему она танцует с ним? Он же никто».

Ей было всё равно.

— Почему вы приехали на бал? — спросила она. — Вам здесь не нравится.

— А вы заметили?

— Вы стоите у окна, как я. Вы смотрите в сад, как я. Вы не улыбаетесь, как я.

Томас чуть склонил голову, разглядывая её лицо.

— Вы наблюдательны.

— Я одинока, — ответила Виктория. — Одиноким люди замечают таких же.

Он ничего не сказал. Только крепче сжал её руку.

Музыка стихла. Танец кончился. Виктория отпустила его ладонь и сделала шаг назад. Между ними повисла тишина — не неловкая, а полная того странного тепла, которое возникает между двумя людьми, когда они вдруг понимают, что

не одиноки.

— Я хочу вас увидеть ещё, — сказала Виктория.

Это было неожиданно для неё самой. Она не планировала этого говорить. Но слова вырвались сами — как выдох после долгого затишья.

Томас помолчал. Потом достал из кармана визитную карточку — дешёвую, с простым шрифтом, на которой значилось только имя и адрес в Сохо.

— Я живу здесь, — сказал он. — Приходите, если хотите.

Она взяла карточку, не глядя. Спрятала в ридикюль.

— Приду, — сказала она.

— Даже не знаете, куда идёте.

— Мне всё равно.

Он почти улыбнулся — уголки губ дрогнули, но улыбка не сложилась. Слишком давно он не улыбался.

— Тогда до встречи, — сказал он и поклонился.

Виктория кивнула. Она смотрела ему вслед, пока он не скрылся в толпе, а потом отвернулась к окну. За стеклом было темно. Газовые фонари мигали, отбрасывая на сад жёлтые блики.

— Кто это был? — спросила мать, подходя сзади.

— Томас де Лакруа.

— Француз? Тот, который...

— Да, мама. Тот, который никто.

Роуз посмотрела на дочь долгим взглядом, но ничего не сказала. Только взяла её за руку — холодную, тонкую — и сжала.

— Он выглядит печальным, — тихо сказала Роуз.

— Как я.

— Это не повод знакомиться.

— Может быть, повод, — ответила Виктория. — Может быть, именно повод.

Мать не стала спорить. Она слишком хорошо знала свою дочь, чтобы пытаться переубедить её сейчас. Виктория была упрямой — и в горе, и в радости.

— Поедем домой, — сказала Роуз. — Ты устала.

— Да, — Виктория повернулась к ней. — пойдёмте.

Карета тряслась по булыжной мостовой, и Виктория смотрела в окно на ночной Лондон. Огни проплывали мимо, оставляя за собой светящиеся полосы, которые таяли в темноте. Томас. Она прокручивала в голове их разговор, каждое слово, каждый взгляд. Он был таким же, как она. Не сломленным — застывшим. Как будто жизнь остановилась для него в тот момент, когда умерла его мать.

— О чём ты думаешь? — спросила мама.

— О нём.

— О французе?

— О человеке, который понимает.

Роуз вздохнула. Она хотела сказать что-то ещё, но пере-

думала. Только поправила юбки и уставилась в противоположное окно.

Роберт Хартвуд молчал всю дорогу. Только когда карета остановилась у подъезда Хартвуд-холла, он повернулся к дочери и сказал:

— Будь осторожна.

— С чем?

— С ним. С собой. С этим...

Он не договорил.

— Спасибо, папа, — тихо сказала Виктория. — Я буду.

Ночью Виктория не спала. Она лежала в кровати, глядя в потолок, и слушала, как ветер шуршит листьями старого дуба. В руке она сжимала визитную карточку Томаса — дешёвую, почти стёршуюся по краям.

«Сохо, Брод-стрит, 14».

Она не знала этого района. Знала только, что там живут бедняки, художники, эмигранты. Тот, кого никто не замеча-

ет. Тот, кто стоит у окна и смотрит в сад.

Виктория закрыла глаза. Перед ней всплыло его лицо: тёмные глаза, глубокие, как колодцы, в которых утонуло что-то очень важное. Она узнала этот взгляд, потому что носила такой же.

— Кто ты? — прошептала она в темноту.

Ответа не было. Только ветер и тишина.

Она уснула под утро, и ей ничего не снилось. Впервые за два года.

Когда Виктория открыла глаза, солнце уже стояло высоко, и косые лучи пробивались сквозь щель между портьерами, оставляя на полу золотистую полосу. Она лежала неподвижно, глядя в потолок, и слушала, как дом просыпается: где-то внизу хлопнула дверь, послышались голоса слуг, звякнула посуда к завтраку.

В руке она всё ещё сжимала визитную карточку.

Она поднесла её к глазам, разглядывая стёртые края, дешёвую бумагу, простой шрифт без завитушек и вензелей. «Томас де Лакруа. Брод-стрит, 14. Сохо».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.